

МЕТОДОЛОГИЯ РАБОТЫ С ИСТОРИЧЕСКИМИ ИСТОЧНИКАМИ В ТРУДАХ В. О. КЛЮЧЕВСКОГО

Анализируется научная методология одного из основателей московской исторической школы рубежа XIX—XX вв. — В. О. Ключевского. На основе эмпирических трудов ученого реконструировано понимание, что такое исторический источник, каковы цели исследования и основные методы научного познания, каким должен быть результат исследовательской работы. Доказывается мысль, что утвердившаяся в современной историографии характеристика В. О. Ключевского как историка-позитивиста требует пересмотра и уточнения.

The article analyzes the scientific methodology of one of the founders of the Moscow Historical School of the XIX—XX centuries — V. O. Kljuchevsky. On the basis of empirical works of the scientist reconstructed understanding of the issues such as: what a historical source is, what the goals of his research and the basic methods of scientific knowledge are, what the result of research work should be. Proves the idea that in modern historiography characteristic V. O. Kljuchevsky as a historian-positivist require revision and refinement.

Ключевые слова: позитивизм; школа В. О. Ключевского; исторический источник; научный метод; российская историография.

Keywords: positivism, school V. O. Kljuchevsky, historical source, the scientific method, the Russian historiography.

Научное творчество профессора Московского университета В. О. Ключевского (1841—1911) уже более столетия привлекает к себе внимание исследователей и является предметом научных дискуссий. Современники и ученики считали этого историка основателем первой истинно научной школы в России [1]. В советской науке к 1970-м гг. прочно утвердилось мнение о В. О. Ключевском как историке-позитивисте, последователей которого можно считать его учениками лишь условно [2]. Начиная с 1990-х гг. в отношении школы В. О. Ключевского в зарубежной и российской науке стало доминировать противоположное мнение. Американский исследователь Т. Эммонс высказал мысль о том, что она в своих научных исследованиях предвосхитила лучшие достижения школы «Анналов» [3]. Эта мысль в 2001 г. получила развитие в учебном пособии по историографии России С. П. Бычкова и В. П. Корзун [4]. В 2010 г. Н. В. Гришина в своей монографии убедительно показала факт существования в России рубежа XIX—XX вв. школы В. О. Ключевского. Она выявила три круга учеников историка. По мнению Н. В. Гришиной, ядро школы составили ученики, защитившие под руководством В. О. Ключевского кандидатские диссертации: П. Н. Милюков, М. К. Любавский, А. А. Кизеветтер, М. М. Богословский, Ю. В. Готье, А. И. Яковлев, Н. А. Рожков. К ядру

Матюшевская Мария Иосифовна — доцент кафедры археологии и специальных исторических дисциплин Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова, кандидат исторических наук, доцент. E-mail: Marija211170@yandex.ru

школы Н. В. Гришина отнесла также представителей более молодого поколения: С. В. Бахрушина, В. И. Пичету, С. К. Богоявленского [5, с. 64—65].

Сосредоточившись на изучении проблемы существования в дореволюционной России московской школы историков, современные ученые пока мало внимания уделяют анализу методологии научного творчества самого В. О. Ключевского. В целом исследователи соглашались с его определением как историка-позитивиста. Доказательством такого вывода считается лекционный курс «Методология русской истории», который был прочитан профессором студентам Московского университета в 1884/85 академическом году.

В этом лекционном курсе В. О. Ключевский дал характеристику исторического процесса с точки зрения социологии. Он говорил о том, что «...целью исторического изучения служит познание происхождения, хода, условий, форм и природы человеческого общежития...» [6, с. 9]. Ученый рассуждал об элементах человеческого общежития, их группировке, формах исторических сил, которые действуют на эти элементы. Он рассмотрел различные исторические теории, описал свое видение научного метода, схем общей и местной истории, исторических законов.

Курс «Методология русской истории» — важная веха в научной биографии В. О. Ключевского. Этот курс, как и вводная лекция к «Курсу русской истории» [7, с. 33—48], являются показателем того, в каком направлении работала теоретическая мысль в исторической науке России середины 80-х гг. XIX в., какие цели в обучении студентов ставили перед собой преподаватели университетов. Однако сосредоточиться лишь на нем при определении методологии В. О. Ключевского сегодня было бы ошибкой. По свидетельству учеников историка и позднейших исследователей его научного творчества, Василий Осипович не любил теоретические обобщения. Его дар ученого в полной мере раскрывался при конкретной источниковедческой и лекторской работе [8, с. 24].

Цель данной статьи — рассмотреть методологию работы В. О. Ключевского с историческими источниками, которая раскрывается в его эмпирических произведениях. Для достижения цели прежде всего проанализируем понимание историка, что такое исторический источник, каковы цели его исследования и основные методы научного исторического познания, путем реконструкции его опубликованных произведений, где отражены результаты научной работы на различных ее этапах.

Свое понимание исторического источника В. О. Ключевский четко обозначил в спецкурсе «Источники русской истории», прочитанном студентам Московского университета осенью 1888 г. Историк отметил: «...Исторические источники — это или письменные, или вещественные памятники, в которых отразилась угасшая жизнь отдельных лиц и целых обществ...» [9, с. 7]. Изучением вещественных памятников занимается археология, которая создала свои критические приемы. В названном спецкурсе 1894 г. к числу приемов работы с вещественными историческими источниками В. О. Ключевский отнес также методы, разработанные вспомогательными историческими дисциплинами — палеографией, дипломатикой, сфрагистикой, нумизматикой, геральдикой, исторической географией, хронологией [9, с. 405].

Историческая критика традиционно имеет дело со словесными памятниками письменности. В них мысль автора источника может намеренно или ненамеренно исказить изучаемую историком действительность. Поэтому «...критика, направленная к восстановлению подлинного текста памятника, называется филологической. Критика, имеющая целью определить угол преломления действительности, степень уклона авторской мысли от действительности, может быть названа фактической. Таким образом, историческая критика — это или критика текстов, передающих исторические факты, или критика фактов, воспроизводимых текстами...» [9, с. 7].

По мысли В. О. Ключевского, источниковедческая работа историка предполагает глубокие аналитические обобщения. Они должны базироваться в первую очередь на информации

самих исторических источников. Этот момент ученый особо подчеркнул в комментариях к курсу «Источники русской истории»: «...Изучая летописи, мемуары, акты, законы, мы составляем себе представление о ходе жизни, о потоке явлений. Но мы не знаем, что думали об этих явлениях сами люди, их пережившие и производившие, как на них самих действовало то, что они переживали и производили... Руководствуясь личной оценкой, легко преувеличить или умалить явление, которое сам не пережил, и, таким образом, можно так осветить явления, что получится не картина прошедшего, а галлюцинационное отражение собственной фантазии изучающего, документально обоснованные призраки. Впечатления масс, переживших явления, могут служить коррективом для впечатлительных историков...» [9, с. 452—453].

В понимании В. О. Ключевского, при работе с историческими источниками от исследователя требуется анализ скрытой в них информации. По этому поводу он писал: «...помнить прошедшее и знать историю — не одно и то же. Помнить прошедшее — значит знать, что было, и по бывшему гадать, не повторится ли и впредь нечто подобное. Знать свою историю — значит понимать, почему так было и к чему неизбежно приведет бывшее. Вот почему знаток прошедшего не всегда историк... Первый не идет дальше чтения и запоминания строк древних хартий и документов; второй силится читать и между строками, стараясь угадать, о чем они смолчали...» [9, с. 6]. Ненамеренными «умалчиваниями» людей прошлого В. О. Ключевский считал информацию, бессознательно заложенную в источнике. При ее поиске ученый использовал не только письменные документы, но и комплекс иных исторических источников: форму письменного текста, обряд, язык, быт народа и т. д.

В частности, в «Курсе русской истории» В. О. Ключевский отмечал, что для историка подробности, которые на первый взгляд кажутся маловажными, могут иметь большое значение. Типографский шрифт, подобно покрою платья, заключает в себе известный порядок идей и знаний. Он может рассматриваться как символ мирозерцания [10, с. 229].

В «Отзыве об исследовании С. Ф. Платонова “Древнерусские сказания и повести о Смутном времени как исторический источник”» В. О. Ключевский писал: «...что назвать фактическим материалом для историка? Исторические факты не одни происшествия; идеи, взгляды, чувства, впечатления людей известного времени — те же факты, и очень важные, точно также требующие критического изучения...» [9, с. 124]. Ученый критиковал С. Ф. Платонова за то, что он изучал памятники русской политической мысли XVII в. только в целях выявления политических событий, происходивших в этот период. В. О. Ключевский доказывал: в XVII в. стало меняться мирозерцание людей. Это проявилось в появлении хронографов — новых форм литературных произведений, которые отражали секуляризацию исторического мышления. Игнорирование их С. Ф. Платоновым привело к недостаточной убедительности в оценке и характеристике изучаемых им исторических источников [9, с. 122—136].

Котдельному разряду исторических источников В. О. Ключевский относил современность. В статье «И. Н. Болтин» он соглашался с мнением исследуемого им историка о современности как музее древности [9, с. 260]. В набросках к лекциям в Училище живописи, ваяния и зодчества ученый затронул вопрос о самих остатках прошедшего в настоящем [11, с. 466]. В работе с историческими источниками В. О. Ключевский отдавал приоритет проблемному изучению. В его основе лежал вопрос «почему?». В статье «Наброски по варяжскому вопросу» историк так рассуждал о значимости данного вопроса: «...Байер и Миллер комментировали сказание о призвании просто как темное историческое известие, не вдаваясь в объяснение его происхождения и характер... Им следовало начинать изучение вопроса не с того, что случилось с варягами-Русью на новгородском Севере около половины IX в., а с того, почему русские книжные люди 2 1/2 столетия спустя так представляли себе случившееся...» [9, с. 146]. В. О. Ключевский был убежден: историки не могут избежать актуальных вопросов жизни своего общества. Поэтому его «почему?» не было абстрагировано от окружающей действительности. Оно имело конкретный социально значимый адресат и воплотилось в проблемный «Курс русской исто-

рии». Как полагал при его создании сам ученый, он дополнил обширную и насыщенную ответами на вопросы «что?» и «как?» «Историю государства Российского» С. М. Соловьева.

В проблемном изучении исторических источников В. О. Ключевский особое внимание уделял сравнительно-историческому методу. Ученый пользовался им очень активно. В рамках проблематики «Курса русской истории» он сравнивал две родственные европейские культуры — восточную и западную. Синхронно сопоставляя их по периодам развития, Василий Осипович постоянно подчеркивал разницу внешних и внутренних условий, влиявших на ход исторического процесса, и выводил отсюда главные особенности культур: различие в способах развития, в понимании смысла и целей бытия. Вместе с тем он исходил из понимания единства европейской культуры, однонаправленности вектора ее развития, поэтому доказывал мысль об отставании России от стран Запада.

В своих трудах В. О. Ключевский активно использовал психологическое сравнение. Оно заключалось в реконструкции, анализе и сопоставлении психологических портретов людей прошлого: как современников, так и представителей разных поколений. Это были коллективные социальные портреты древнерусского князя, великорусского земледельца, московского боярина и служилого человека, а также портреты индивидуальные. В их числе были портреты российских царей и императоров, Нила Сорского, Иосифа Волоцкого, сотрудников Петра Великого. В написании этих портретов В. Ключевский показал себя как глубокий аналитик. Через изучение отдельных личностей он стремился выявить скрытые за ними социальные реалии. Достижению этой цели способствовал сопутствовавший психологическому сравнению специальный прием — типология. Обращаясь к нему в «Курсе русской истории», ученый писал: «...типические лица помогут нам полнее изучить состав жизни, их воспитавшей. В таких лицах целно собирались и выпукло проступали такие интересы и свойства их среды, которые терялись в ежедневном обиходе, спорадически бродя по заурядным людям, разбросанными и бессильными случайностями...» [12, с. 300].

Интересовавшие «типические лица» В. О. Ключевский отыскивал в первую очередь среди реально существовавших в прошлом государственных деятелей. Их он изучал как самостоятельные исторические явления, делал подробные социально-биографические экскурсы, которым посвящал иногда целые лекции (например, лекцию LVI о царе Алексее Михайловиче и Ф. М. Ртищеве). Их же рассматривал в общем контексте своего исследования исторического процесса. В этом случае прием типологии В. О. Ключевский соединял с ретроспективной. Он отслеживал поведение «типических лиц» в «большом времени». Примером тому является анализ двух типов государственных людей XVII—XVIII вв., родоначальниками которых историк считал князя В. В. Голицына и А. Л. Ордин-Нащокина, выходцев из «переходного периода» Смуты. Исследователь обозревал проблему на протяжении «большого пространства». Здесь, пожалуй, самой удачной была характеристика Александра I — своеобразного, как писал ученый, «типического лица», явившегося воплощением общеевропейского мировоззренческого кризиса рубежа XVIII—XIX вв.

При столкновении с трудностями в поиске необходимого материала В. О. Ключевский прибегал к замене реальных «типических лиц» вымышленными «дуалами». Ими были либо абстрактные типы (российский вольтерьянец, петиметр и кокетка и др.), либо герои художественной литературы. Обосновывая возможность подобной замены, и в частности, использования в научном исследовании художественных образов, историк в статье «Недоросль Фонвизина» отмечал, что художественное понимание вызывается той высшей творческой силой зрения, которая за невидимыми для всех призрачными явлениями умеет разглядеть никем не замечаемую действительность [11, с. 62]. Среди обладателей этой творческой силы зрения ученый особенно выделял А. С. Пушкина, которому как никому другому удалось показать сложившийся в России XVII—XIX вв. культурный тип русского человека, убежденного в том, что он родился не европейцем, но обязан стать им. Как историческое явление, этот тип ак-

тивно изучался самим ученым, поэтому он оценивал произведения А. С. Пушкина в качестве исторических источников. Научная работа с ними вылилась в блестящую по своим художественным достоинствам речь историка «Евгений Онегин и его предки», посвященную 50-летию со дня смерти А. С. Пушкина [11, с. 84—101].

Проведение такого многопланового анализа В. О. Ключевский совмещал с поиском в историческом процессе других, неличностных типовых образований. Об этом свидетельствуют встречающиеся в «Курсе русской истории» определения: «экономический тип», «летописный тип», «тип богатыря», «тип великоросса», «владельческий тип» и т. д. Над ними надстраивалось более широкое понятие — «тип исторический».

В своих исследованиях В. О. Ключевский большое внимание уделял ретроспективному анализу. Этот порядок исследования он считал незаменимым, если в арсенале ученого нет достаточного количества нужных ему исторических источников: «О юридическом и хозяйственном быте удельных веков, — писал он в спецкурсе «Источники русской истории», — из летописи, очень сухой и молчаливой, мы знаем очень мало. Какой акт, особенно о поземельных отношениях, ни возьми, становишься в затруднение определить, что это — нормальное ли явление или капризы двух соседей. Единственный способ вырваться из этого затруднения — посмотреть вперед и назад, особенно вперед...» [9, с. 19]. Ретроспективный анализ историк применял в своих трудах достаточно широко. В «Курсе русской истории» при характеристике крестьянских хозяйств в конце XVI в. он обратился к документам начала XVII в. В спецкурсе «История сословий в России» на основании ревизских данных XVIII в. В. О. Ключевский сделал вывод о том, какое влияние на сословно-географическое размещение русского общества оказал военный строй, установившийся в Московском государстве.

Еще один метод, применявшийся В. О. Ключевским, — статистический. Он играл у историка роль графической иллюстрации изучаемых процессов. Подчеркивая научную продуктивность статистического метода, В. О. Ключевский писал в «Лекциях по русской историографии»: «...мы ценим количественные данные; в количествах выражаются отношения, потому они для методологии пособия, средства для понимания жизни...» [9, с. 230]. Однако здесь же на примере А. Шлецера ученый предостерегал от излишнего увлечения статистикой и превращения исторических фактов в цифры. Он указывал, что статистика нужна только для того, чтобы изучающий мог составить себе представление о приблизительных размерах исторического факта. Это представление способствует правильному пониманию информации, содержащейся в источнике, поэтому ученый обратился к разработке темы «Русский рубль XVI—XVIII вв. в его отношении к нынешнему» [13, с. 59—119]. На основе сопоставления хлебных цен XVI — первой половины XVIII в. с ценами конца XIX в. он вывел таблицу соотношения «старого московского», а затем «всероссийского» рубля к кредитному рублю XIX в. Для своего времени это было беспрецедентное по своей методике и выводам исследование.

По мнению В. О. Ключевского, количественные показатели размеров исторического факта способны выступить эквивалентами массовых явлений исторического процесса. Поэтому «Курс русской истории» был насыщен статистическим материалом о войнах, которые вела Россия на протяжении столетий, о поземельных повинностях крестьян XVI в., о ссылках при Анне Иоановне, о размножении чиновничества во времена Николая I и т. д.

Еще один прием, который использовал ученый, — образное цифровое сравнение. Например, характеризуя российское общество начала XIX в., В. О. Ключевский отмечал: «Русское государство по количеству свободных людей в 45 раз меньше Франции» [14, с. 250]. Ученый прибегал к «фантастическим расчетам», т. е. научным допущениям, оперированию за неимением прямых свидетельств источников косвенными. В частности, так он поступил в случае выяснения количественного отношения поместных земель к вотчинным землям в XVI—XVII вв. [15, с. 219]. Но при всем разнообразии использовавшихся методик цифры не имели для историка самостоятельного значения и всегда подвергались дальнейшему анализу и оценке.

Отдельный блок вопросов в трудах ученого составила проблема терминов, используемых в российской исторической науке. Она рассматривалась В. О. Ключевским как проблема понимания и адаптации к научным нуждам текста изучаемых исторических источников. Этой проблеме историк посвятил специальный курс лекций «Терминология русской истории». Цель его создания была определена следующим образом: «Изучая термины того или другого порядка, мы будем пытаться составлять схемы, которые бы представляли процесс явлений этого порядка» [6, с. 103].

В. О. Ключевский полагал, что за терминами исторических источников необходимо разглядеть меняющуюся историческую действительность. К ним надо относиться как к обновляющимся понятиям, которые в каждом конкретном источнике имеют свой внутренний смысл. В этой связи в спецкурсе «Терминология русской истории» ученый истолковывал слова и выражения из источников разных эпох, делал по ходу изложения выводы, касающиеся изучаемых им политических, юридических и экономических явлений. Попутно В. О. Ключевский указывал на встретившиеся трудности анализа.

Однако на этом понимание ученым проблемы терминов исторической науки не исчерпывалось. В своих эмпирических трудах, делая вывод о существовании в прошлом некоего исторического явления или процесса, В. О. Ключевский старался подыскать им подходящее наименование. Он делал это чрезвычайно осторожно, и если сомневался в найденном термине, то прямо заявлял об этом. Например, в «Курсе русской истории» он отмечал: «...местных князей в Литовско-Русском государстве XIV—XV вв. можно назвать удельными только в очень условном смысле, за недостатком термина, точнее выражающего своеобразные отношения, какие там складывались...» [7, с. 341].

Еще один аспект поднятой ученым проблемы терминов исторической науки — их восприятие читателями научных произведений и слушателями в студенческой аудитории. Из-за неразработанности в исторической науке России рубежа XIX—XX вв. научной терминологии и вполне объяснимой в этой связи неподготовленности студенческой аудитории В. О. Ключевский прибегал к условной модернизации научных терминов. В «Курсе русской истории» он нередко употреблял такие понятия, как «вольные рабочие Киевской Руси», «новгородские капиталисты XII века», «служилый землевладельческий пролетариат Руси XVI века», «черносотенцы XVII века» и т. д. В большинстве случаев такая модернизация являла собой лишь попытку увязать прошедшую реальность с уровнем изучающего ее сознания. Вместе с тем В. О. Ключевский всегда проводил четкую грань между современностью и прошлым. Преподнося исторический материал, он обязательно определял их расстояние, поэтому его научная модернизация была условной, а лекции для своего времени эффективными.

Свидетельством тому являются воспоминания учеников В. О. Ключевского — А. А. Кизеветтера и П. Н. Милюкова. А. А. Кизеветтер, сравнивая сближения древних и новых понятий В. О. Ключевского со школьным приемом, доказывал, что он не был связан с его действительным видением исторического процесса [1, с. 170]. П. Н. Милюков выражал своему учителю благодарность за педагогичность изложения. В. О. Ключевский, писал он, переводил нам русскую историю с неведомого и недоступного языка документов, и мы с верой ухватывались за его прочно обоснованные и искусно классифицированные выводы. Так, через В. О. Ключевского мы впервые поняли русскую историю [1, с. 187].

В своей преподавательской работе В. О. Ключевский активно пользовался аксиологическим методом. В «Курсе русской истории» помимо строго научной, аналитической оценки присутствовала оценка, характеризовавшая личность ученого: его этическую позицию и гражданские взгляды. Эта оценка была не только явной, но и скрытой, что объяснялось характером В. О. Ключевского и цензурным надзором в университете.

Историк, откликаясь на актуальные проблемы жизни российского общества второй половины XIX в., и в частности, войны России с Османской империей за освобождение южных

славян, в своих лекциях отстаивал концепцию славянского единства и идею общества, ориентированного на христианские нормы жизни. Концепцию славянского единства В. О. Ключевский последовательно проводил через весь «Курс русской истории». Она отразилась в тезисах, предварявших лекции — «Идея славянского единства, положенная в основу Начальной летописи», «Юрий Крижанич», «Россия и южные славяне».

В лекции, посвященной внешней политике Екатерины II, ученый резко выступил против раздела Польши: «...с русским участием раздвинулось новой обширной могилой славянское кладбище, на котором и без того похоронено было столько наших соплеменников, западных славян...» [14, с. 55]. Здесь же он намекнул на то, что Екатерина II возбудила и не оправдала множество надежд в Беларуси, Молдове, Валахии, Черногории и Морее. Освещая присоединение украинских земель к России в середине XVII в., В. О. Ключевский писал, что Богдан Хмельницкий рассчитывал стать чем-то вроде герцога Чигиринского, правящего под отдаленным сюзеренным надзором государя московского. Но этого не произошло, и в результате правящие украинские классы из польских бунтарей превратились в озлобленных московских подданных [12, с. 111].

Христианский идеал В. О. Ключевского проступал через его косвенные исторические экскурсы, которые касались анализа социальной системы в целом и поведения отдельных ее представителей. Так, о сподвижниках Петра I он высказал следующее мнение: «Это были истые дети воспитавшего их фискально-полицейского государства с его произволом, его презрением к законности и человеческой личности, с притуплением нравственного чувства» [10, с. 234]. Очень негативно отзывался В. О. Ключевский о крепостной России. В лекции L в разделе «Господа и крепостные», в сдержанно-эмоциональных тонах повествуя о быте беглых, он замечал, что знакомство с ним заставляет забывать о христианских началах породившего его общества. Эти мысли не являлись простым педагогическим отступлением от главной цели научного исследования. Аксиологический метод и связанная с ним этико-гражданская оценка исторических явлений были неотъемлемой частью практической реализации теоретически описанного приема обобщения, изложенного в спецкурсе «Методология русской истории».

В. О. Ключевский был убежден: итог научной работы историка никогда не свободен от его субъективного интереса. В своих дневниковых записях за 1909 год историк оставил следующую заметку по данной проблеме: «Не ищите в нашем прошедшем своих идей, в ваших предках — самих себя. Они жили не вашими идеями, даже не жили никакими, а знали свои нужды, привычки и похоти. Но эти дедовские безыдейные нужды, привычки и похоти судите не дедовским судом, прилагайте к ним свою собственную, современную вам нравственную оценку, ибо только такой меркой измерите вы культурное расстояние, отделяющее вас от предков, увидите, ушли ли вы от них вперед или попятитесь назад. Так называемая историческая объективность — бэконовская *virgo sterilis* (бесплодная дева)» [11, с. 358].

Изучение методологии работы с историческими источниками, представленной в эмпирических трудах В. О. Ключевского, убеждает: научные принципы, которые он использовал, далеко не в полной мере совпадали с общепринятыми постулатами позитивистской науки. Позитивизм историка заключался в его стремлении работать главным образом с письменными историческими источниками, на основе добываемого из источников фактического материала формулировать законы общественного развития, создавать схемы исторического процесса. Василия Осиповича в первую очередь интересовала социально-классовая проблематика, которая была характерна для ученых его времени. Однако в вопросах понимания того, что такое письменный исторический источник, какими являются цели работы с ним, каково многообразие методов, которые может использовать в своей работе историк, насколько активным и творческим он должен быть, каким является результат его исследований, — В. О. Ключевский ушел от позитивизма. Об этом свидетельствует, в частности, сопоставле-

ние методологии его работы с историческими источниками с методологией, описанной в западноевропейских учебниках — переведенных на русский язык и широко издававшихся в дореволюционной России сочинениях Э. Бернгейма [16], Ш.-В. Ланглау и Ш. Сеньбоса [17].

Можно согласиться с мнением известного российского философа-эмигранта, историка и публициста Г. П. Федотова. В статье «Россия Ключевского» (Париж, 1932 г.), рассуждая о вкладе ученого в историческую науку, он отметил: «Ключевский, как всякий большой человек, во многом упредил свое время — был начинателем, а не завершителем эпохи» [18, с. 331]. Этот вывод сегодня имеет значение не только для уточнения историографической оценки научного творчества самого В. О. Ключевского. Он важен при изучении созданной им научной исторической школы, а также всей исторической науки России рубежа XIX—XX вв.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Ключевский В. О.* Характеристики и воспоминания. М. : Науч. слово, 1912. 217 с.
2. *Нечкина М. В.* Василий Осипович Ключевский: история жизни и творчества. М. : Наука, 1974. 638 с.
3. *Эммонс Т.* Ключевский и его ученики // *Вопр. ист.* 1990. № 10. С. 45—62.
4. *Бычков С. П., Корзун В. П.* Введение в историографию отечественной истории XX в. : учеб. пособие. Омск : Ом. гос. ун-т, 2001. 359 с.
5. *Гришина Н. В.* «Школа В. О. Ключевского» в исторической науке и российской культуре. Челябинск : Энциклопедия, 2010. 287 с.
6. *Ключевский В. О.* Сочинения : в 9 т. / под ред. В. Л. Янина ; послесл. Р. А. Киреевой ; коммент. В. Г. Зиминой, Р. А. Киреевой. М. : Мысль, 1989. Т. VI : Специальные курсы. 476 с.
7. *Ключевский В. О.* Сочинения : в 9 т. / под ред. В. Л. Янина ; предисл. В. Л. Янина, В. А. Александрова ; послесл. и коммент. В. А. Александрова, В. Г. Зиминой. М. : Мысль, 1987. Т. 1 : Курс русской истории. Ч. 1. 430 с.
8. *Александров В. А., Янин В. Л.* Предисловие // В. О. Ключевский. Сочинения : в 9 т. М. : Мысль, 1987. Т. 1 : Курс русской истории. Ч. 1. С. 5—32.
9. *Ключевский В. О.* Сочинения : в 9 т. / под ред. В. Л. Янина ; послесл. и коммент. Р. А. Киреевой, В. А. Александрова, В. Г. Зиминой. М. : Мысль, 1989. Т. VII : Специальные курсы (продолжение). 508 с.
10. *Ключевский В. О.* Сочинения : в 9 т. / под ред. В. Л. Янина ; послесл. и коммент. В. А. Александрова, В. Г. Зиминой. М. : Мысль, 1989. Т. 4 : Курс русской истории. Ч. 4. 398 с.
11. *Ключевский В. О.* Сочинения : в 9 т. / под ред. В. Л. Янина ; послесл. и коммент. Р. А. Киреевой. М. : Мысль, 1990. Т. 9 : Материалы разных лет. 525 с.
12. *Ключевский В. О.* Сочинения : в 9 т. / под ред. В. Л. Янина ; послесл. и коммент. В. А. Александрова, В. Г. Зиминой. М. : Мысль, 1988. Т. 3 : Курс русской истории. Ч. 3. 414 с.
13. *Ключевский В. О.* Сочинения : в 9 т. / под ред. В. Л. Янина ; послесл. В. А. Александрова ; коммент. В. А. Александрова, В. Г. Зиминой. М. : Мысль, 1990. Т. 8 : Статьи. 445 с.
14. *Ключевский В. О.* Сочинения : в 9 т. / под ред. В. Л. Янина ; послесл. и коммент. В. А. Александрова, В. Г. Зиминой. М. : Мысль, 1989. Т. 5 : Курс русской истории. Ч. 5. 476 с.
15. *Ключевский В. О.* Сочинения : в 9 т. / послесл. и коммент. В. А. Александрова, В. Г. Зиминой. М. : Мысль, 1988. Т. 2 : Курс русской истории. Ч. 2. 447 с.
16. *Бернгейм Э.* Введение в историческую науку. М. : Изд-во М. Н. Прокоповича, 1908. 135 с.
17. *Ланглау Ш.-В., Сеньбос Ш.* Введение в изучение истории. СПб. : Изд-во О. О. Поповой, 1899. 275 с.
18. *Федотов Г. П.* Судьба и грехи России: избранные статьи по философии русской истории и культуры : в 2 т. СПб. : София, 1991. Т. 1. 352 с.

Статья поступила в редакцию 1 сентября 2015 г.